

селения. Нам представляется это поучительным, так как еще раз напоминает о слабой изученности этнографических вопросов, связанных с бытом городского населения России в XIX — начале XX в., не говоря уже о более ранних периодах. Сказанное относится и к малым и к большим городам. До сих пор в работах по этнографии сельского населения и этнографии рабочих приходится оперировать весьма общими представлениями о городском быте, городских формах бытовой культуры (и материальной и духовной), городских влияниях, городских чертах и особенностях и т. д. и т. п. Специфика «городских форм», их формирование, общность и локальные различия в значительной мере остаются неизвестными. Авторы рецензируемой книги, разумеется, не могли решить все эти вопросы даже в локальном; не говоря уж об общероссийском плане. Поэтому гораздо существеннее другое: книга В. Ю. Крупицкой и Н. С. Полищук — первое в советской и, шире, в современной марксистской этнографии фундаментальное и разностороннее исследование исторических проблем этнографии рабочих. Можно не сомневаться в том, что читатели будут с нетерпением ожидать выхода в свет второго тома исследования, посвященного советскому периоду.

Л. М. Сабурова

Л. Ф. Моногарова. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972, 174 стр.

Вышедшее из печати в канун празднования 50-летия образования СССР исследование Л. Ф. Моногаровой (ответственный редактор Н. А. Кисляков) построено на богатом фактическом материале. Книга наглядно демонстрирует успехи, которых добились некогда экономически отсталые и культурно обособленные припамирские народности в ходе социалистического строительства при братской помощи других народов Советского Союза. Каждый, кто побывал на Советском Памире в последние годы, увидел, какие огромные преобразования произошли в материальной и духовной культуре припамирских народностей. Тем большую ценность для этнографической науки приобретает изучение исчезающих древних обрядов, обычаев и вообще всех характерных особенностей прежнего быта и культуры припамирских народностей. Можно утверждать, что с этой точки зрения исследование Л. Ф. Моногаровой написано весьма удачно, так как все изменения в быту и культуре припамирцев прослежены на широком историческом фоне, что помогает лучше осмыслить происходящие преобразования и создает достаточно глубокую историческую перспективу развития материальной культуры, семейных отношений и этнических процессов в Советском Припамирье.

Рецензируемая работа посвящена ираноязычным народностям Советского Западного Памира: шугнанцам, рушанцам, язгулемцам, ваханцам, ишканимцам и др.

Исследование построено на основе 1) полевых материалов автора и использования им некоторых полевых записей Ф. Д. Люшкевича и Л. А. Булановой; 2) этнографической и исторической литературы по Припамирью и смежным областям; 3) материалов из архивов различных советских учреждений, в том числе из учреждений Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (архивов загсов, статистических управлений, сельских советов).

Во «Введении» (стр. 5—18) дается краткая физико-географическая характеристика района исследования, перечисляются все припамирские народности с указанием мест их расселения. Возражение может вызвать лишь указание области, населенной таджикоязычными горонцами. Так, Л. Ф. Моногарова пишет, что горонцы живут «от кишлака Даршай до кишлака Хасхараг — границы с шугнанцами» (стр. 13). В действительности, самым верхним горонским селением в верховьях Пянджа является Баршор¹. Выше Баршора живут ишканимцы и ваханцы, а немногочисленные таджикоязычные вкрапления в их среде, как целые селения, так и отдельные семьи, отличаются от горонцев и особенностями говора, и спецификой быта.

В этом разделе приводятся также материалы, свидетельствующие о былой географической изолированности и труднодоступности Западного Памира, послуживших одной из причин экономической отсталости и своеобразия этнического и исторического развития припамирских народностей.

В первом разделе рецензируемой книги (стр. 19—50) содержится краткий исторический очерк Западного Памира от глубокой древности до образования Горно-Бадахшанской автономной области (1925 г.), основанный на изучении исторической и специальной археологической литературы с привлечением и некоторых местных легенд и преданий, записанных автором. Этот краткий очерк позволяет читателю-неспециалисту получить достаточно полное представление об истории края.

¹ А. Н. Болдырев, Бадахшанский фольклор, «Советское Востоковедение», V, Л., 1948, стр. 278—279; А. З. Розенфельд, Бадахшанские говоры таджикского языка, Л., 1971, стр. 38.

Мнение автора, что одной из основных причин принятия припамирскими народностями исмаилизма «можно считать большую терпимость его к различным народным верованиям» (стр. 33), представляется несколько шатким. В конце концов, народные верования существовали, очевидно, и в других местах, где, однако, утвердились другие толки ислама, а не исмаилизм. Нам кажется, успех исмаилизма на Западном Памире и Восточном Гиндукуше следует объяснять другими причинами, возможно, распространенностью здесь в более ранний период буддизма, из которого, очевидно, в местный исмаилизм перекочевала вера в переселение душ, столь характерная именно для памирских исмаилитов².

Большой заслугой автора работы следует считать описание обряда приобщения к вере (*дасти пир*, стр. 32) — кажется, первое в литературе. Выяснение его, несомненно, потребовало от Л. Ф. Моногаровой исключительного умения расположить к себе информатора, так как верующие исмаилиты, как и прочие сектанты, чрезвычайно неохотно рассказывают посторонним о таинствах своей религии.

В этом же разделе содержатся ценные сведения по прежнему словесному и семейно-родственному делению припамирских народностей (стр. 37—38, 104). Кстати, термины, которыми обозначаются родственные, обычно патронимические, группы являются таджикскими по происхождению и общими для всех припамирцев, поэтому неверно утверждение Л. Ф. Моногаровой, что *тухм*, например, употребляется у ваханцев, *гуру* у шугнанцев и т. п. (стр. 38). Как показывают наши наблюдения, у ваханцев, например, для обозначения патронимических групп употребляются четыре термина: *катор*, *гуру*, *тухм*, *авлод*. Эти термины могут входить в названия групп, замещающая друг друга: *баймадак-катор*, *чинэк-авлод*, *рамонкул-гуру*, *толишо-гуру*, *толишо-катор* и т. п.

Не упоминается Л. Ф. Моногаровой весьма распространенная по всему Западному Памиру бывшая сословная группа *ша'на*, — группа потомков правителей или же их ближайших помощников, не имеющих должности (возможно, один из пережитков древнего кастового деления)³. Жаль, что эта весьма интересная тема не получила в рецензируемой книге более полного освещения, хотя она и не имеет, впрочем, прямого отношения к предмету исследования.

Во втором разделе «Социалистические преобразования хозяйства и материальной культуры припамирских народностей» (стр. 52—102), содержащем интересные данные о преобразованиях, происходящих в жизни припамирских народностей, Л. Ф. Моногарова использует как собственные полевые записи, так и богатый историко-этнографический материал из публикаций предшествующих исследователей (А. А. Бобринского, М. С. Андреева, Н. А. Кислякова, А. К. Писарчик и др.). Такой метод описания создает цельную и исчерпывающую картину хозяйственного и культурного развития припамирских народностей на протяжении последних пятидесяти лет.

Ценно и то, что для многих реалий Л. Ф. Моногарова приводит и местные памирские термины, правда, преимущественно шугнанские, в транскрипции на основе русской графики (сделано это, впрочем, не всегда удачно). В использовании этих терминов можно отметить и некоторые погрешности. Так, на стр. 57 приводятся названия бурдюка — *зиноц* и плота — *санач* (правильнее — *саноч*). Между тем, оба эти термина обозначают надутый воздухом бурдюк для переправы через реку, первый — по-шугнански, второй — по-таджикски. Плот же именуется в Припамирье общетаджикским словом *сал*. Неудачна формулировка автора о том, что «счет времени года велся по освещению лучами солнца частей тела мужчины» (стр. 67).

Третий раздел исследования (стр. 103—155) посвящен изменениям в семейном быту припамирских народностей. Этот раздел написан с привлечением редких архивных источников, относящихся к началу нашего века, и содержит ценные сведения по истории семьи в Припамирье. Особенно впечатляет рассказ о прежнем и нынешнем быте большой неразделенной семьи в селении Вранг (стр. 119—120), написанный чрезвычайно живо. Л. Ф. Моногарова повествует об изменениях во взаимоотношениях между членами семьи, о преодолении старых брачных норм и обычаев, о возросшей роли женщины и всегда подкрепляет свое изложение многочисленными фактическими данными.

В этом же разделе дается подробное описание свадебного обряда (стр. 136—147) как традиционного, так и нового и приводятся некоторые данные об особенностях свадебной обрядности у различных припамирских народностей. Досадно, что из описания семейной обрядности выпало описание обряда обрезания. Приведенные на стр. 146 наиболее распространенные имена мальчиков и девочек остались недокументированными: неясно, к каким годам и к какой народности они относятся.

В заключительном четвертом разделе описываются этнические процессы в Припамирье в прошлом и настоящем (стр. 156—168). Большое место в этом разделе отведено роли памирских и таджикского языков. Достаточно тактично пишет автор и о

² А. А. Семенов, Противоречия во взглядах на переселение душ у памирских исмаилитов и у Насыр-и-Хосрова, «Бюллетень Среднеазиатского Государственного ун-та», вып. 9, Ташкент, 1925, стр. 113—114.

³ М. С. Андреев, А. А. Половцев, «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии», СПб, 1911, стр. 8.

взглядах местного населения на сущность происходящих этнических процессов (стр. 165). Сомнение Л. Ф. Моногаровой в широком распространении в прошлом таджикского как второго языка на Памире представляется вполне обоснованным. Вместе с тем роль в прошлом таджикского языка (называемого припамирцами «форси») не следует и приуменьшать. Ведь «межпамирский форси»⁴ — был языком не только межнационального общения, письменной литературы и фольклора, но и языком религии — исмаилизма. Все молитвы, в том числе и повседневные (в частности, молитвы очищения), читались на этом языке. На достаточно широкое распространение таджикского языка в этом регионе и в прошлом указывает огромный пласт таджикских заимствований (в том числе и очень ранних) во всех памирских языках: практически — это большая часть всего словарного запаса. Нельзя забывать также и о таджикоязычных горонцах, которые компактной массой живут и жили среди окружающего памирскоязычного населения. Издавна на Западном Памире наблюдался и приток таджикоязычных или же форсиязычных переселенцев из Бадахшана.

Встречаются в книге отдельные неточности. В частности, неясно, зачем в указатель географических названий (стр. 170—173) попали некоторые наименования городов, в которых были изданы цитируемые книги.

Книга Л. Ф. Моногаровой иллюстрирована photographиями, картами, планами и большим количеством таблиц, что делает все изложение очень наглядным.

В целом, книга Л. Ф. Моногаровой, безусловно, является большой удачей автора, которого можно поздравить с завершением кропотливого труда по изучению этнических процессов в Советском Припамирье. Л. Ф. Моногарова на основе рассмотрения большого фактического материала делает, как кажется, правильный вывод о том, что припамирские народности консолидируются в одну этнографическую группу памирских таджиков. Книга, несомненно, принесет немалую пользу этнографам, как иранистам, так и специалистам более широкого профиля, а также и социологам, занимающимся общей теорией этнических процессов в современную эпоху.

⁴ А. З. Розенфельд, Указ. раб., стр. 5.

И. М. Стеблин-Каменский

Поэзия крестьянских праздников (Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского). Л., 1970, 636 стр.

Выход в свет рецензируемой книги не может не радовать каждого, кому близки и дороги судьбы национальной культуры, ее история, пути развития.

Древнейшая календарно-обрядовая поэзия, сопровождавшая годовой цикл сельскохозяйственных праздников, является не только важнейшим источником для изучения мировоззрения народа, его идеологии, но и представляет огромную художественно-эстетическую ценность.

К сожалению, до последнего времени календарно-обрядовая поэзия русского народа была мало известна широкому читателю, и рецензируемая работа представляет собой первое фундаментальное издание, широко охватывающее весь годовой цикл календарных песен.

Составителем проделана огромная научно-исследовательская работа. Изучены многочисленные фольклорные издания прошлого и настоящего времени, новейшие рукописные материалы.

В сборник входит 750 поэтических текстов. Это преимущественно тексты, в которых выражены типичные аграрно-магические мотивы и образы, свойственные календарно-обрядовой поэзии, а также крайне редко печатавшиеся до сих пор и поэтому малоизвестные широкому читательскому кругу масленичные песни, особенно те, в которых сохранились древнейшие мотивы «похорон масленицы» (№ 376, 377, 381 и т. д.), весенние песни (егорьевские, выюнишные, майские) и др.

Весь поэтический материал сборника систематизирован в соответствии с основными крестьянскими сельскохозяйственными праздниками: зимними (святки, масленица), весенне-летними (встреча весны, семик, троица, купала) и осенними (жатва).

Внутри каждого песенного цикла тексты располагаются в порядке праздничного обрядового действия. Примечательно, что составитель тщательно классифицирует тексты по тематике. Особого внимания заслуживает новый опыт группировки подблюдных песен по их значениям («отгадка»), как например, «Песни, предвещающие богатство и счастье», «Песни, предвещающие вечное девичество», «Песни, предвещающие разлуку, дорогу» и т. д. Такое распределение, несомненно, помогает выявлению единства поэтики и специфики образного строя песен каждой отдельной группы, а также пониманию их семантики.

Не отвергая в принципе данную систематизацию песен по их тематике, хотелось бы в разделе колядок предложить более детальную дифференциацию текстов, при которой по возможности, принималось бы внимание то, кем исполняются песни (дети, молодежь, людьми старшего поколения) и кому они адресованы (девушке, парню, хозяину и его семье и т. п.). Такая возрастная классификация колядок, предусмотренная самой народной эстетикой, думается, во многом прояснила бы и конкретизировала их